

Раздел 2

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ И УРАЛА

А. Т. Шашков

ТЕГЕНСКАЯ «ГАРЬ»

В истории русского церковного раскола массовые старообрядческие самосожжения, пик которых пришелся на 80-е гг. XVII в., являются феноменом чрезвычайно сложным и во многом загадочным. Несмотря на устойчивый интерес исследователей к этой теме, далеко не полностью выявлены хозяйственно-экономические, общественно-политические и социально-психологические корни «гарей». Нуждаются в дальнейшем изучении как их конкретно-исторические причины и следствия, так и механизм взаимодействия «самоубийственных смертей» с идеологическими (и прежде всего эсхатологическими) построениями староверов, в том числе поступки и действия участников этих событий, имевшие мистериально-ритуальный характер. Нет пока окончательного ответа на вопрос о связи бегства от «мира Антихриста», теснейшим образом переплетавшегося с традициями пустынножительства и нередко приводившего в силу различных обстоятельств к «гарям», с обычными формами крестьянской колонизации еще не освоенных территорий. «Старообрядцы, — отмечает в связи с этим Е.М. Юхименко, — переходя на новые, незаселенные места и основывая здесь свои поселения (по деревенскому типу), все время находились под угрозой преследования, что заставляло их принимать меры к укреплению и возможной обороне своих „селищ“. Самосожжение происходило лишь тогда, когда воинская команда, окружив постройки, грозила “добыть” непокорных живьем, что означало либо отказ от старообрядчества, либо предание градскому суду и смертную казнь»¹.

Самосожжение, о котором пойдет речь ниже, произошло 24 октября 1687 г. на лесной заимке, расположенной за болотами на берегу речки Тегенки (левый приток Туры). Заимка принадлежала оброчному крестьянину д. Калугиной Тюменского уезда Осипу Решетникову и находилась примерно в шести верстах от с. Липкинского и в пятидесяти верстах от самой Тюмени. Согласно кратким сообщениям в различных редакциях Сибирского летописного свода второй половины XVII в., в этом самосожжении «з женами и з детми... человек с триста и болши згорели»², что соответствует данным, содержащимся в сохранившихся документах, значительная часть которых, дошедшая до нас в миллеровских копиях XVIII в., опубликована³.

Сразу же следует сказать, что Тегенская «гарь» являлась одним из звеньев в страшной цепи аналогичных событий, происходивших в это время в Зауралье. Так, в конце весны 1687 г. самосожжение на р. Юрмыч (левый приток Пышмы), случившееся на землях, относившихся к Киргинской слободе Тобольского уезда, унесло жизни ста человек. В конце того же года во второй «гари» на Юрмыче погибли «человек с пядесят и болши з женами и з детми». Еще одно самосожжение в тех же местах, в котором собралось гореть около 350 человек, светским и церковным властям удалось предотвратить. Тогда же в д. Боровиковой (ныне д. Бор в устье р. Куяр, левого притока Пышмы), близ Куяровской слободы Тобольского уезда, приняли смерть от огня более 150 человек. 26 августа 1688 г. тоже на Пышме, в д. Другановой Тюменского уезда, сгорело более 200 человек. Наконец, в эти же годы на Пышме произошли еще две сравнительно небольших «гари»: в Красноярской слободе Верхотурского уезда (18 декабря 1688 г.) и в д. Сазоновой Тюменского уезда (17 июня 1689 г.)⁴.

Волна массовых самосожжений, захлестнувшая территорию на стыке Тобольского, Тюменского и Верхотурского уездов во второй половине 80-х гг. XVII в., была спровоцирована целым рядом обстоятельств. Среди них особо следует отметить ужесточение антираскольничьего законодательства. Так, накануне Московского восстания 1682 г. церковный собор принял постановление о предании раскольников светскому суду⁵. После подавления стрелецкого мятежа началось новое наступление на приверженцев «старой веры», завершившееся во время Великого поста 1685 г. изданием неслыханного по своей жестокости указа из 12 статей, направленного против старообрядцев. За любое проявление религиозного инакомыслия виновных ждало суровое наказание: смертная казнь, кнут, в лучшем случае — ссылка и конфискация имущества⁶. Как справедливо отмечал в связи с этим А.М. Панченко, данный указ «не принадлежал к столь характерному для России разряду узаконений, рассчитанных на устрашение, а не на педантичное и неукоснительное исполнение: по дос-

товерным данным, до Пасхи в Москве было сожжено около ста человек (по обычаю в срубах). И тотчас в стране вспыхнула религиозная война»⁷.

Нельзя не учитывать и дальнейшего распространения в рассматриваемое время феодально-крепостнического режима на восточные окраины Русского государства. Одним из инструментов этой политики стало проведение в первой половине 1680-х гг. в западносибирских уездах переписи слобод и деревень под руководством присланного из Москвы стряпчего (затем стольника) Л.М. Поскочина⁸, следствием чего стало существенное увеличение тягла как пашенных, так и оброчных крестьян⁹.

Результатом всех этих мер стал массовый уход крестьян, ямщиков, посадских и служилых людей в «пустые места», где они искали «спасения» от никонианских попов и представителей «антихристовой власти». На этой, заключительной, стадии в дело обычно вступал еще один серьезный провоцирующий фактор в виде деятельности расколоучителей – фанатичных старцев-пустынников и их верных учеников. Именно страстная, пронизанная эсхатологическими ожиданиями проповедь старообрядческих вожakov вроде старца Матвея, бывшего атамана верхотурских беломестных казаков Якова Борисова сына Лепихина или гулящего человека Михаила Косачева Русака, причастных к самосожжениям на Пышме и Юрмыче, а также организованные ими демонстративные акции протеста влияли на настроения людей, раздражали местное духовенство и епархиальное начальство, возбуждали «властельские гневны» и в конце концов запускали в действие механизм репрессий, обычно приводивший к трагической развязке.

Все сказанное в полной мере подтверждается обстоятельствами, связанными с подготовкой Тегенской «гари». «Пущими заводчиками» этой акции являлись пашенные крестьяне д. Калугиной Пахом Решетников и его старший сын Осип (из-за ошибок переписчиков документы иногда именуют его то «Косткой», то «Кузкой»), три брата Морозовых из д. Елкиной («два Гришки и Тимошка») и два пришлых старца – Ефрем и Пимен. Причинами движения, начавшегося среди местных крестьян еще в середине 80-х гг. XVII в., были недовольство результатами составления поскочинских писцовых книг и религиозные преследования. Позднее находившиеся на Тегенской заимке крестьяне напрямую объясняли свое «сборище» тем, «что де розгнали их писец Лев Поскочин да софейской сын боярской Михайло Родионов; оброки де хлебные и иные потуги наложены на них большие, не в мочь... А буде де станут нас из той заимки гнать, и мы де все тут на дворе зазжемся»¹⁰.

Сопротивление писцовому делу в Тюменском уезде проявилось с самого начала. Как указывал сам Л.М. Поскочин, «вниз по Туре и по Кармакам, и по Пышме рекам села и деревни, и займища, и починки, пашенные и заложенные земли, и сенные покосы, и рыбные ловли, и мельницы, и

всякие угоды тюменских всяких чинов людей и иноземцов в нынешнем во 193-м (1685. — *А. Ш.*) году не писаны для того, что тех сел и деревень всяких чинов жители указу великих государей учинились ослушны, в села и в деревни свои писать не пустили... И в том де на посаде посадские люди многие учинились ослушны, к писцовому делу не пошли ж»¹¹. Поэтому в 1687 г. по царскому указу и по грамоте тобольскому воеводе боярину А.П. Головину было велено «послать ис Tobолска на Тюмень, в Туринской для письма земель у русских людей и у татар, чего не дописал столник и писец Лев Поскочин. И по той грамоте посланы на Тюмень, в Туринск для писцоваго дела тоболянин Офонасей Михалевской, приказные полаты подъячей Василей Романов, Петр Безсонов». Закончив работу в Тюменском уезде, писцы отправились в Туринск, однако местный воевода А.А. Юшков им «в писцовом деле отказал», за что впоследствии был посажен на неделю в тюрьму¹².

Тюменские деревни Калугина и Елкина в писцовую книгу Л.М. Поскочина 1685 г. попали. Однако почти сразу же началось недовольство проведенным в ней межеванием. Так, уже весной 1686 г. оброчные крестьяне д. Калугиной Гаврила Жданов сын Медведков «с товарищи» самовольно «против книг Лва Поскочина» убрали ограждения от скота, сделанные жителями соседней Устьицынской слободы, принадлежавшей Tobольскому архиерейскому дому. Вскоре устьицынский приказчик (им, судя по всему, был уже упоминавшийся выше софийский сын боярский Михаил Родионов) стал получать жалобы от своих крестьян о том, что калугинские стада вытаптывают их покосы «и на крестьянские пашни безпрестани выходят, и траву и в поле хлеб посевной выедают». Калугинцы, в свою очередь, подали тюменскому воеводе на устьицынских крестьян «ложную» челобитную, касающуюся этого конфликта. А 28 апреля 1686 г. приказчик получил словесный извет от жившего в д. Калугиной посадского человека Степана Петрова сына Ершова о том, что Оничка (Анисим), сын Гаврилы Медведкова, «увозил в Колугину деревню... обманом» устьицынского крестьянского сына Стеньку Васильева «и с подъячим тюменским велел ему, Стеньке, прикладывать руки неведомо к каким составным речам». Стенька Васильев был допрошен и подвергнут наказанию. Через месяц приказчик, одновременно исполнявший обязанности тюменского десятильника, приказал арестовать и доставить в Устьицынскую слободу обвиненного «в святительском духовном деле» ямщика Андрея Федорова сына Киселева. Отправляя митрополиту Сибирскому и Tobольскому Павлу отписку с изложением всех этих событий¹³, софийский сын боярский был настроен в отношении калугинских крестьян вполне определенным образом. Очевидно, в дальнейшем ситуация обострилась еще больше.

* * *

В писцовой книге Тюменского уезда 1685 г. д. Калугина («Колугина»), стоявшая на берегу Туры, именуется также Решетниковой. И это не случайно: из пятнадцати проживавших в ней семей четыре носили фамилию Решетниковых. Это прежде всего сам Пахом Логинов сын Решетников, уроженец той же деревни, живший одним двором со своими взрослыми сыновьями — Осипом, Родионом, Агафоном и Григорием. У Осипа, в свою очередь, было три сына: Ивашка (пятнадцати лет), Лучка (тринадцати лет) и Сенька (пяти лет), у Родиона — два: Тимошка (пяти лет) и Митька (трех лет), у Агафона — тоже два: Стенька (четырёх лет) и Андрюшка (трех лет)¹⁴. Сколько в этой большой патриархальной семье было представителей женского пола — не известно, но, во всяком случае, не меньше, чем мужчин.

В Калугиной также проживали два родных брата Пахома — Степан и Федор. Первый из них имел трех взрослых сыновей — Симона, Петра Большого и Петра Меньшого (у Симона соответственно был сын Савка, четырех лет, у Петра Большого — Гришка, пяти лет), второй имел двух сыновей — 10-летнего Панку, т. е. Пантелея, и 6-летнего Якунку. Кроме того, уроженцем и жителем той же деревни являлся Ермолай Андреев сын Решетников (у него были дети: Федька, десяти лет; Пронька, семи лет, и годовалый Ивашка)¹⁵. По всей видимости, он приходился двоюродным братом Пахому, Степану и Федору.

Достаточно мощным был семейный клан еще одних организаторов Тегенской «гари», проживавших в д. Елкиной (в писцовой книге 1685 г. она иногда называется Елькиной), — Морозовых («Моросковых»). Его основателем являлся оброчный крестьянин Мартемьян Борисов по прозвищу Мороз («Мороско»). Очевидно, он был одним из первых местных поселенцев. Так, еще в 1671/72 г. «Мороско Борисов» получил данную «за государевою тюменскою печатью», подтверждавшую его право владеть «пашенною землею и санными покосы по-прежнему». Эти владения находились «вверх Туры реки, от города в сороки верстах, в Елкине деревне», в межах с крестьянами Яковом Тугариновым, Андреем Антипиным, посадскими людьми Василием Ямщиковым и Львом Тугариновым¹⁶.

Иван, старший сын Мартемьяна-Мороза Борисова, оказавшийся в конце 1670-х гг. причастным к какой-то старообрядческой акции протеста, был за это арестован и по распоряжению тюменского воеводы М.М. Квашнина в сентябре 1679 г. доставлен под конвоем в Тобольск¹⁷. Оттуда его отправили в ссылку в Сургут, где он содержался в тюрьме вместе с двумя другими ссыльными раскольниками — тарским конным казаком Семеном Ефтиным и тарским же сыном боярским Иваном Байгачевым. В 1688 г. их по царской грамоте велено было перевести из Сур-

гута в Тобольск и «учинить им указ, а что учинено будет» — о том сообщить в Москву¹⁸. Какова была дальнейшая судьба этих людей — неизвестно. У Ивана Морозова в д. Елкиной остались жена и названный в писцовой книге 1685 г. сын Ларион¹⁹.

В той же деревне проживали еще три взрослых сына Мартемьяна-Мороза Борисова: Григорий Большой, Григорий Меньшой и Тимофей. Первый из них был оброчным крестьянином и имел в 1685 г. четырех сыновей — восьмилетнего Петрушку, пятилетнего Яфтюшку (Евтихия), двухлетнего Олешку и годовалого Мишку²⁰. Григорий Меньшой «из оброчных крестьян волею своею был в ямских охотниках малое число», гоняя ямской гоньбы полчетверти выти. Он, как и его второй брат, оброчный крестьянин Тимофей, к моменту посковинской переписи сыновей не имел²¹.

Кстати сказать, самого Мартемьяна-Мороза Борисова в писцовую книгу 1685 г. не занесли. Это можно объяснить тем, что незадолго до переписи он сложил с себя тягло на детей. О том, что сам Мартемьян был в это время еще жив, свидетельствуют материалы позднейшей тяжбы по поводу принадлежности земельных наделов и угодий погибших в Тегенской «гари» братьев Морозовых, которая развернулась между оброчными крестьянами Романом Драчевым и Дмитрием Голышевым, с одной стороны, и ямщиком Галактионом Шукиным — с другой. Так, в своей челобитной, поданной 25 мая 1700 г. в Тюмени «переписишнику московскому дворянину Ивану Родионовичю Качанову», Драчев и Голышев писали: «В прошлых де давних годех был на Тюмени в оброчных крестьянех Мороско Борисов з детми, двумя Гришками да с Тимошкою, и платил в казну... хлебной оброк и всякие денежные подати. И в прошлых же годех Мороско з детми в пустыни с росколники згорел»²². Не доверять этим показаниям нет никаких оснований, поскольку сразу же после трагедии на речке Тегенке земельные наделы Григория Большого и Тимофея Морозовых вместе с их хлебным obroком были отданы «со статками их и животы вышеписанным челобитчиком Ромашке Гаврилову сыну Драчеву, Митке Голышеву». У них же на руках оказалась и упоминавшаяся выше данная 1671/72 г. на эти земли самого Мартемьяна-Мороза Борисова²³.

Некоторые соображения можно высказать и о двух других главных организаторах Тегенской «гари» — старцах Ефреме и Пимене, имена которых фигурируют в старообрядческом Синодике и в документах.

В 1691 г. обличитель «самоубийственных смертей» старообрядческий инок Евфросин, осуждая самосожженцев за то, что они уничтожали вместе с собой книги и иконы, между прочим писал: «Еустафий же некто, литвин, живой в слободах, сослан в Сибирь, там изучился скорому замучению, самосожжением осуди себе убити. Брат же некто пять рублей давал ему за авву Ефрема, зело бе любезна, бела и свежа; “умру, — рече, —

сам и книга моя со мною; не достанется она после моего живота никому!» Все же книги, также иконы, спалил»²⁴.

Учитывая информацию, содержащуюся в этом сообщении, следует обратить внимание на человека по имени Евстафий Троинский. Из источников известно, что он был «родом ... литвин, города Гродни, взят в полон в то время, как великий государь (Алексей Михайлович. — *А. Ш.*) был под Вильною, и с того времени все жил на Дону и служил казацкую службу». В 1669 г., будучи в Воронеже, он женился, после чего «поехал на Дон, а жену свою оставил на Воронеже». В 1672 г. он приехал за ней, но был арестован местным воеводой Б.Г. Бухвостовым по обвинению в том, что «был де он, Осташко, с вором с Стенькою Разиным под Астраханью в есаулах». 12 июня того же года Евстафий Троинский вместе с другими разинцами, также приехавшими с Дона за своими женами, в том числе воронежскими детьми боярскими Игнатием и Кондратом Пареными и Симоном Селивановым, был отослан в Москву²⁵. Через месяц его в составе большой партии ссыльных отправили в Сибирь. В эту партию, помимо участников Разинского восстания, входили обвиненный в измене украинский гетман Демьян Многогрешный с родственниками и домочадцами (братом Василием, женой, детьми и пр.) и два сподвижника гетмана — нежинский полковник Матвей Гвинтовка и есаул Павел Грибович. В Тобольске ссыльные задержались на несколько месяцев. Воспользовавшись этим, Е. Троинский, воронежцы С. Селиванов, И. Пареный, Н. Опалинский и есаул П. Грибович из-под стражи бежали²⁶. Их поиск завершился полной неудачей: П. Грибович с тремя беглецами сумел уйти «на Русь» и вскоре появился в Запорожье²⁷, а Е. Троинский, судя по всему, так и остался в Сибири.

Есть все основания полагать, что бывший разинский есаул Евстафий Троинский и Евстафий-литвин, о котором рассказывает инок Евфросин, — это один и тот же человек. Однако в источниках, посвященных сибирским самосожжениям конца XVII в., упоминаний о нем нет. Объяснить это можно лишь тем, что Евстафий принял монашеский постриг. А поскольку он с особым пиететом относился к Ефрему Сирину, сочинения которого были пронизаны ожиданием конца света, то вполне логичным будет предположить, что новоявленный инок взял себе имя любимого писателя. Что же касается Евфросина, то он вполне мог знать светское имя погибшего в огне литвина от своих сибирских информаторов. Наконец, следует отметить, что один из свидетелей, побывавший на Тегенской заимке, в своих показаниях тюменскому воеводе давал старцам следующую характеристику: «...один старец без уха, а другой моложе; а откуда они, того он не ведает»²⁸. Из контекста документа следует, что ухо было разрезано именно у Ефрема. Как известно, этому наказанию нередко подвергались ссылавшиеся в Сибирь за «воровство» преступники. Ссыльным

разинцам также обычно отрезали левое ухо²⁹. Это обстоятельство лишний раз свидетельствует в пользу идентичности Евстафия Троинского и старца Ефрема.

Что касается старца Пимена, то не исключено, что он пришел из Поморья, где в 1687 г. произошли два крупнейших самосожжения — в Рождественском Палеостровском монастыре (4 марта) и в деревне на Березове наволоке Кольского присуда (9 августа). Одним из главных организаторов первого из них являлся «Повенецкого рядку житель, ведомой вор и пущей церковной раскольник и всего православного христианского народа ненавистник, Емелька Иванов сын Второго»³⁰. Еще в конце 1673 г. его отец Иван Евстафьев сын Второго, возглавлявший борьбу местных крестьян за освобождение из-под власти Тихвинского Успенского монастыря, вместе с «женкою Василискою, да с детми з Гришкою, с Омелкою, с Стенкою» был сослан в Иркутский острог. Его возвращение домой в 1678 г. совпало по времени с активной деятельностью в городах и слободах Тобольского разряда приверженцев «старой веры», свидетелями чего были и сам Иван Второго, несомненно придерживавшийся дониконовских церковных обрядов, и его подросшие дети, в том числе средний сын Емельян. Через год «олончанин посадцкой человек Ивашка Евстафьев» был вместе с семейством вторично сослан «в Ыркуцкой», однако близ Соли Вычегодской он и его сын Емельян сумели бежать. Оказавшись замешанным в событиях, связанных с восстанием московских стрельцов, Иван Второго был арестован и в третий раз приговорен к ссылке «в Сибирские далные города на вечное житье». 20 декабря 1682 г. партия колодников, в которой он находился, добралась до Верхотурья. Судя по всему, вслед за отцом сослали в Сибирь и Емельяна. Через какое-то время оба они сумели вернуться на родину. А во второй половине 80-х гг. XVII в. Емельян становится одним из самых активных деятелей старообрядческого движения в Заонежье. При этом огромное влияние на него оказали знакомство и общение с бывшим черным дьяконом Соловецкого монастыря Игнатием, являвшимся создателем и вдохновителем особой мистерии, которую он и его последователи стали реализовывать в организации и проведении массовых самосожжений³¹.

Сам Игнатий вместе с сотнями других «насмертников» погиб в огне первой Палеостровской «гари». Но незадолго до этого с его ведома и по его настоянию Емельян Иванов «с пущими своими воровскими советники, забрав денежную монастырскую казну и святых икон оклады, из того монастыря выбежал в лес»³², дабы продолжить дело своего учителя. 28 ноября 1688 г. он погибнет во второй Палеостровской «гари». В связи с этим вполне можно допустить, что вскоре после 4 марта 1687 г. Емельян послал в Сибирь, со старообрядцами которой у него сохранялись кон-

такты, своих эмиссаров, занимавшихся проповедью самосожений, одним из которых мог быть Пимен.

* * *

О Тегенском «сборище» в Тюмени и в Тобольске стало известно летом 1687 г. Посланные сюда 29 июня тюменский сын боярский В. Некрасов и конный казак Д. Творогов передали «пустынникам» тобольскую «память» с предложением разойтись по домам. Назад они привезли составленное в ответ «расколное письмо» с отказом повиноваться³². О его содержании, как и о содержании других аналогичных документов (например, утятской сказки 1682 г. и двух томских «противных писем» 1705 г.), мы можем только догадываться. Исключение составляет лишь мостовская «сказка» 1679 г., текст которой сохранился до наших дней³³. Тем не менее существование самой традиции отправлять из «осады» подобные письма властям не может не вызывать ассоциаций с соловецкими челобитными, особенно с Пятой, бросавшей открытый вызов царю и в немалой степени спровоцировавшей присылку под стены монастыря стрельцов. Это вполне согласуется с разработанной черным дьяконом Игнатием мистерией, ибо соловецкое осадное «сидение» и последовавшая за ним гибель его участников являлись для него, «прежних постриженников последним остальцом», не абстрактным символом, а безусловным образцом для подражания³⁴.

Между тем попытки образумить собравшихся на Тегенской заимке крестьян результатов не приносили. Так, 4 июля здесь побывали родные братья Пахома Решетникова Степан и Федор. Позднее первый из них рассказывал в приказной избе тюменскому воеводе Н.И. Колобову, «что де собираютца к нему (Пахому. — А. Ш.) на заимку в деревню многие люди с женами и с детьми Тобольского уезду из деревень и Тюменского уезду из деревень; да тут же де на заимке есть два старца, неведомо какие, и в книги чтут». В ответ на слезные просьбы вернуться в свои дома «брат их Пахом с детьми сказал им, братьям своим: “Не слушаем де вас и не едем, хотим де жить здесь вкупе с братьею съезжею”». В конце концов уговорщиков «мало палками не прогнали», сказав Степану напоследок: «И с пашни тебе хлеба снять не дадим, выжнем сами»³⁵.

Побывавший 6 июля на заимке липкинский десятник Сидор Федоров сын Нагибин передал собравшимся «уговорное» письмо от тюменского воеводы, которое было зачитано вслух. «И многие де люди после того говорили ему, Сидорку: “Скажи де ты столнику и воеводе Микифору Ивановичу Колобову, что жалует, пишет своею милостию к нам милосердно... А хотя бы де до нас, убогих, сыскалась такая ж милость государя святителя Павла, митрополита Сибирского и Тобольского, и государя

боярина Алексея Петровича Головина, и мы де убогие все побредем в дома свои, жить станем по-прежнему»³⁶.

Обнадеженный Колобов тут же сообщил о словах затворщиков в Тобольск, и уже 19 июля воевода А.П. Головин послал ему память «за печатью великих государей», которую велел передать «с тюменскими детми боярскими и с служивыми людьми с добрыми... Пахомку с товарищи... и розговаривать их всячески, чтоб они розошлись в дома свои»³⁷.

Однако наметившийся в переговорах успех развития не получил: в отличие от воевод, митрополит Павел, человек фанатичный и упрямый, ни на какие уступки идти не желал. А 16 августа Н.И. Колобов послал по «великих государей указу» в тюменские села и деревни сына боярского В. Кошеница и подьячего приказной избы И. Шунаева с выборными целовальниками для переписи хлебных посевов. Когда они приехали в д. Калугину, то «расколники... которые живут в пустыне, оброчные тюменские крестьяне Сергушка Галашев, Стенка да Федка Решетниковы с товарищи, пашенных своих земель не указали и писать не велели, и во всем им, выделщиком, отказали»³⁸.

Таким образом, попытки властей разрешить конфликт мирным путем к концу лета окончательно провалились. Тем временем количество приехавших в «пустынь» крестьян, ямщиков, посадских и служилых людей из окрестных мест и даже из «русских городов», неуклонно росло (в начале июля 1687 г. их было около 200, потом — 230, а осенью — около 300 человек). Как с тревогой писал в Москву тюменский воевода Н.И. Колобов, собравшиеся на Тегенской займке «воры и расколники... выезжают из пустыни со многими людьми, человек по сороку и по пятидесяти, с ружьем, и с копы, и с бердыши, и хлеб с поля с Елкины деревни и из иных ближних деревень свозили; и в пустыне... те расколники завели кузнецов и куют копы и бердыши, и к большей дороге выходят, и людей грабят, и платье отымают». Воеводу всерьез беспокоило то, что движение разрастается («пристают де к ним многие люди») и что бунтовщики «хвалятся... впредки всяким воровством: над городом пожегом и над хлебными запасы»³⁹.

Угроза поджечь город не являлась пустым звуком: у всех на памяти был страшный пожар, случившийся в Тюмени 26 апреля 1687 г. По словам, он начался «от раскольнаго ж вымыслу»⁴⁰. Все помнили и Светлое воскресенье (Пасху), пришедшееся на 27 марта того же года, когда «в Тюменском уезде, в селе на Каменке, сгорела церковь Покрова пресвятыя Богородицы да и старая церковь с людьми от пороху. А говорят, что раскольщики сожгли с собой, чтоб хотяшаго и не хотяшаго не отпустить. И сгорело де и убитых бревнами человек с полтретьяста (250. — А. Ш.)»⁴¹.

Осенью ситуация обострилась еще больше. Крестьянское «сборище» и в самом деле превращалось в «раскольничью пустынь»: старцы Ефрем и Пимен всех постригали в монахи, причем некоторых против их воли. В связи с этим следует отметить, что обряд пострижения совершали на Тегенской заимке не только старцы. Так, чудом спасшаяся во время «гари» Степанида Лукьянова дочь, жена тюменского оброчного крестьянина Емельяна Овчинникова, показывала на допросах, что ее «в пустыне де Ивашкова жена Морозова, связав, постригла насильно»⁴². Здесь налицо явная профанация обряда пострижения. Упомянем в связи с этим другой характерный факт: во время жестокого расследования, проводившегося в Хлынове в 1675 г. после ареста 28 старообрядческих «чернцов» и «черниц», выяснилось, что «пострижены де они, девки, не бывали, а черное платье накладывали сами собою»⁴³. Позднее подобная практика в некоторых староверческих общинах на востоке России станет довольно обычным явлением.

В конце сентября специально приехавший в связи со всеми этими событиями в Тюмень митрополит Павел отправил к «церковным раскольников и развратником» на Тегенку для «розговору» ключаря Тобольского Софийского собора Стефана Семенова, но безрезультатно: посланца встретили «с ружьем и со всякою боевою обережью и остановили, а в сомнища свои к чернецом-ворам не пустили»⁴⁴.

Тогда владыка потребовал от светских властей принятия крутых мер. В октябре тобольский воевода А.П. Головин приказал Н.И. Колобову послать на Тегень вооруженный отряд. В ответ на это тюменский воевода писал в Тобольск: «И мне, господине, послать тайным обычаем, собрав ратных людей, опасно, потому, господине, что в той пустыне тюменским и всяких чинов и служилым людям все свойственники, отцы и братья, дядя и племянники, и для свойства и сродства промыслу они над такими раскольники не учинят и пущих воров отпустят, а без присылки, господине, от тебя, ратных людей послать я опасен». Тогда из Тобольска «в прибавку к тюменским служилым людям» были отправлены «литвы и конных и новокрещеных казаков сто человек» во главе с поручиком литовской роты К. Фоминым. 22 октября вместе с ними из Тюмени на Тегень выступили рота конных тюменских казаков под командованием И. Алтуфьева и 50 пеших стрельцов, возглавляемых тюменским сыном боярским Я. Воиновым. 23 октября Тегенская заимка была окружена со всех сторон. Оценив ситуацию, ротмистр И. Алтуфьев писал в Тюмень, что затворщиков «без болшого орудья взять невозможно, потому что у них во дворе всякого орудья много». Однако везти сюда пушки и применять их для штурма не пришлось: на другой день в «пустыни» произошло самосожжение, в котором погибло более 300 человек. Во время пожара из окон «выметались» два мужчины, две женщины и маленький мальчик,

которых доставили сначала в Тюмень, а потом, после допроса, в Тобольск, к митрополиту Павлу. По сообщению И. Алтуфьева, оставшиеся на заимке 65 лошадей тобольские служилые люди, несмотря на его протесты, «разобрали по себе, да 35 скотин рогатого скота убили», перекололи много свиней «и в Тюменском уезде на Липке, дорогою едучи, тюменских жителей Стенку Погадаева с товарищи они ошарпали, овчины и оленины у них взяли грабежом». Между тем родственники сгоревших требовали возвращения скота им. Возникший конфликт тобольский воевода А.П. Головин уладил своим волевым решением, предложив расценивать захваченное имущество в качестве трофея. «А что после воров расколников лошадей и рогатого скота в воровском их жилище осталось, — писал он по этому поводу в Москву, — велели переписать и оценить, и отдать лошадей и скот по оценке из наддачи служилым людям, которые в посылке были, или хто похочет, в ваших великих государей жалованье в годовые оклады»⁴⁵.

В заключение следует еще раз подчеркнуть то обстоятельство, что события, связанные с Тегенской «гарью», развивались по сценарию, в известной степени напоминающему Соловецкую мистерию черного дьякона Игнатия. Во всяком случае, здесь присутствовал основной набор характерных для нее признаков: пришлые старцы-организаторы, укрепленная «пустынь» на лесной заимке с массовым монашеским постригом участников акции, безуспешные попытки уговорить собравшихся разойтись, «расколное письмо» с отказом повиноваться властям, вооруженные вылазки, присылка на заимку воинских отрядов, осада и, наконец, страшная «огненная смерть».

¹ Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 18–19.

² См.: ПСРЛ. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 282 (Нарышкинская редакция), 352 (Шлецеровская редакция); Записки, к истории сибирской службы // ДРВ. 2-е изд. М., 1783. Ч. 3. С. 268. В Головинской редакции, также содержащей краткий рассказ о Тегенской «гари», приводится иное число погибших: «человек с шездесят и болши згорели» (ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 225). Возможно, в данном случае были учтены только взрослые мужчины, так как в этой записи нет указания на женщин и детей. В старообрядческом Синодике количество сгоревших «на речке Тегене» определяется в 200 человек (Пыпин А.Н. Сводный старообрядческий Синодик // ПДП. Вып. 44. СПб., 1883. С. 25).

³ См.: ДАИ. Т. 10. СПб., 1867. С. 13–23. См. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1015. Л. 127–129 об.; СПбО АРАН. Ф. 31. Оп. 4. Д. 9. Л. 110–113, 116 об. – 119 об., 125 – 125 об. О самой Тегенской «гари» см.: Сапожников Д.И. Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII века до конца XVIII): Исторический очерк по архивным документам. М. 1891. С. 30–31; Лихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII–XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 58–59; Шашков А.Т. Самосожжение как форма социального протеста крестьян-старообрядцев Урала и Сибири в конце

XVII – начале XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 194–195, 298–299; *Он же*. Старообрядческие самосожжения на Урале и в Сибири в XVII – начале XVIII вв. // Сургут, Сибирь, Россия. Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города Сургута: Доклады и сообщения. Екатеринбург, 1995. С. 142–146.

⁴ См.: Шашков А.Т. Старообрядческие самосожжения... С. 140–142, 147–150.

⁵ См.: АИ. Т. 5. СПб., 1842. С. 108–118.

⁶ См.: ПСЗ. СПб., 1830. Т. 2. № 1102. С. 647–650.

⁷ Панченко А.М. Начало Петровской реформы: идейная подоплека // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 8. Об указе 1685 г. и его последствиях см. также: Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 412–413; Хьюз Л. Царевна Софья. СПб., 2001. С. 162–163.

⁸ См.: ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 171, 219.

⁹ Только в Верхотурском уезде увеличение оклада «государевой десятинной пашни» в среднем составило 17% (см.: Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 157).

¹⁰ ДАИ. Т. 10. С. 14.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 968. Л. 3–3 об.

¹² ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 224.

¹³ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 285. Л. 1. Начало отписки утрачено.

¹⁴ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 968. Л. 319.

¹⁵ См.: Там же. Л. 319 об. – 320, 322.

¹⁶ Курилов В.Н. Некоторые штрихи к истории сибирского крестьянства XVII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 282.

¹⁷ См.: ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 222. Л. 1.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 983. Л. 228–234. См. также: Шашков А.Т. Старообрядцы – узники сургутской тюрьмы (последняя четверть XVII в.) // Сургут, Сибирь, Россия: Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города Сургута: Тезисы докладов. Екатеринбург, 1994. С. 228–231; Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 127–130. В этих публикациях Иван Морозов ошибочно отождествлен нами с другим тюменцем – Иваном Пищалиным, который летом 1678 г. проповедовал раскол среди жителей Красноярской слободы Верхотурского уезда (см.: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 270. Л. 2–3; Д. 282. Л. 48).

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 968. Л. 307 об.

²⁰ Там же. Л. 304.

²¹ Курилов В.Н. Некоторые штрихи... С. 281; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 968. Л. 295, 306.

²² Курилов В.Н. Некоторые штрихи... С. 281. В.Н. Курилов, опубликовавший материалы тяжбы по дозорной книге И.Р. Качанова 1700 г., ошибочно отождествил «гарь», в которой погибло семейство Морозовых, с самосожжением в д. Другановой (см.: Там же. С. 279).

²³ Там же. С. 282.

- ²⁴ Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный трактат против самосожжения 1691 года / Сообщ. Хр. Лопарева // ПДП. Вып. 108. СПб., 1895. С. 70.
- ²⁵ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 3. М., 1962. С. 199; см. также: Там же. Т. 4. М., 1976. С. 109–111, 115.
- ²⁶ См.: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 305. Л. 58–65; Оп. 2. Д. 214. Л. 3–8, 13–15; ДАИ. Т. 6. СПб., 1857. С. 325; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 12 // *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 6. М., 1991. С. 424; ср.: *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 334–335.
- ²⁷ См.: *Соловьев С.М.* История России... С. 449.
- ²⁸ ДАИ. Т. 10. С. 15.
- ²⁹ См., например: Крестьянская война... Т. 4. С. 83–86.
- ³⁰ Карельская деревня в XVII веке: Сб. документов / Сост. Р.Б. Мюллер. Петрозаводск, 1941. С. 318.
- ³¹ *Шашков А.Т.* Иван Евстафьев Второго и его сын Емельян (из истории социального и религиозного протеста жителей Заонежья во второй половине XVII в.) // ПИР. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 333–346; *Он же.* Гари. Соловецкая мистерия черного дьякона Игнатия // *Родина*. 2000. № 10. С. 104–107.
- ³² См.: ДАИ. Т. 10. С. 13; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1015. Л. 98.
- ³³ См.: ДАИ. Т. 8. СПб., 1862. С. 219–222.
- ³⁴ См.: Памятники старообрядческой письменности. СПб., 1998. С. 131–133.
- ³⁵ ДАИ. Т. 10. С. 14.
- ³⁶ Там же. С. 14–15.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 15–16.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 177; Записки, к истории сибирской служашие. С. 264.
- ⁴¹ ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 177. Ср.: Там же. С. 225, 282.
- ⁴² ДАИ. Т. 10. С. 21.
- ⁴³ *Шашков А.Т.* Неизвестный документ 1675 г. о преследованиях старообрядцев на Вятке // Народная культура Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 81.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1015. Л. 127.
- ⁴⁵ ДАИ. Т. 10. С. 16–23; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1015. Л. 128–129.